

DOI: 10.46698/VNC.2024.78.27.001

Тамерлан Казбекович Салбиев

кандидат филологических наук, исполняющий обязанности руководителя научно-исследовательского отдела «Центр скифо-аланских исследований» ВНЦ РАН (363110, РСО-Алания, с. Михайловское, улица Вильямса, 1).

E-mail: galabu@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8526-1984>[https://](https://orcid.org/0000-0002-1857-0306)

orcid.org/0000-0002-1857-0306

ALANO-ARMENICA: МУЧЕНИЧЕСТВО СУКИАСЯНЦЕВ¹

Аннотация. Принято считать, что конфликт, лежащий в основе событий, описанных в «Мученичестве Сукиасянцев», был основан на вероотступничестве. И все же, весьма вероятно, что роковой спор между аланским царем и принявшими христианство аланскими отшельниками, его подданными, был вызван более сложным комплексом факторов, без учета которых невозможно адекватно понять ни сути конфликта, ни мотивов его участников, ни последствий, к которым он привел. Представляется, что комплексный подход должен сыграть решающую роль в разработке адекватной методологии, согласно которой мученичество не может быть отделено от свадебной церемонии Сатеник. Только в мифоритуальных рамках этой свадьбы можно выделить и объяснить пять ключевых мотивов, лежащих в основе общего сюжета мученичества.

Ключевые слова: мученичество, Сукиасянцы, вероотступничество, мифо-ритуальный подход, свадебная церемония.

Для цитирования: Салбиев Т.К. Alano-Armenica: Мученичество Сукиасянцев // NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX С. 258–270.

Рукопись поступила в редакцию 13.08.2024

Рукопись принята к печати 25.10.2024

¹Настоящая публикация представляет собой незначительно переработанную статью, опубликованную изначально на английском языке: Martyrdom of the Sukiaseans (mytho-ritual aspect) // Iran and the Caucasus, 27 (2023), P. 265–273. doi:10.1163/1573384X-02703003.

Tamerlan Kazbekovich Salbiev

PhD, acting head of the research department
“Center for Scytho-Alanic Studies”

of VSC RAS (363110, North Ossetia-Alania,
Mikhailovskoe village, Williams St., 1).

E-mail: galabu@rambler.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-8526-1984>

ALANO-ARMENICA: MARTYRDOM OF SUKIASYANTS

Abstract. It is a common belief that conflict, underlying the events described in the Martyrdom of Sukiaseans was based on apostasy. Yet, it is very likely that the fatal controversy between the Alan king and the Alan hermits, who converted to Christianity, his subjects, was caused by more complex set of factors without which it is impossible to adequately understand neither the essence of the conflict, nor the motives of its participants, nor the consequences to which it led. It seems that an integrated approach should pay a decisive role to developing an adequate methodology, according to which Martyrdom cannot be separated from Satenik's wedding ceremony. It is only within the mytho-ritual framework of this wedding that five key motives, underlying the general plot of Martyrdom, can be singled out and explained.

Keywords: martyrdom, Sukiaseans, apostasy, mytho-ritual, wedding ceremony.

For citation: Salbiev T. K. Alano-Armenica: Martyrdom of Sukiasyants // NARTAMONGÆ 2024. Vol. XIX, P. 258–270.

Received on 13 August 2024

Accepted on 25 October 2024

Исторические события, легшие в основу мученичества Сукиасянцев, отражают один из ярчайших эпизодов армяно-аланского взаимодействия, хотя и не совсем однозначного по своему характеру. Опуская подробности замечу, что одним из итогов этого похода становится женитьба армянского царевича Арташеса на дочери аланского правителя Сатеник.

Несмотря на разночтения в датировке описываемых в мученичестве событий, не оставляет сомнений его привязка к одному из походов алан в Закавказье, приведшем к женитьбе армянского царя на аланской принцессе. В свое время эти события были подробно изучены Ж. Дюмезилем [Дюмезиль 1976: 51–55]. Уже одного этого эпизода было бы достаточно, чтобы заложить надежные основы для такого научного направления как *Alano-Armenica*, поскольку это событие имело далеко идущие последствия и на-

Арташес и Сатеник. Художник И. Роттер, 1939 г.

шло отражение не только в исторических хрониках, но также и в языке двух народов (имя Сатеник / Сатана), их фольклорных традициях (цикл об Урузмаге и Сатане в эпосе о Нартах, а также в армянском «Випасанк»), в «Истории Армении» историографа Мовсеса Хоренаци, и агиографической традиции (Мученичество Сукиасянцев), которая и будет находиться в центре внимания.

В самих древних армянских агиографических источниках эта история представлена следующим образом. В них сначала говорится о Воскянах — учениках апостола Фаддея, которые пришли в Армению и пытались обратить в христианство царя Арташеса. Но их усилия оказали воздействие на приближенных и сородичей царицы Сатеник — Сукиасянов, которые приняли от Воскянов крещение. После этого Сукиасяны покинули царский двор и поселились в горах. Через 44 года, согласно одной из версий, их убили прибывшие из Алании соплеменники царицы, которые пытались вернуть их к прежней вере. Из армянских авторов более позднего периода о мучениках Воскян и Сукиасян и о царице Сатеник сообщает историк X в. Ованес Драсханакертци, (подробнее об этом см.: [Амбарцумян 2016: 35–36]). Тем самым мы располагаем достаточно пространством описанием тех событий, отложившихся в исторической памяти как их современников, так и их потомков.

Эти события по-прежнему продолжают привлекать к себе внимание исследователей, достаточно сказать, что одна из самых свежих публикаций

Иконографическое
изображение Св. Сухия
в грузинской церковной
традиции

была сделана в прошлом году Л. Симонян. Ее главный вывод гласит: «Анализ всех источников позволяет заключить, что аланский принц Бахадрас-Сукиас основал во II в. особую ветвь христианского движения («травоеды»), которая обрела широкую известность в регионе Багреванд-Ахдзник-Васпуракан и распространилась до Вайоц Дзора и Арарата. Символом травоедов был крест Бахадраса (хач Патаразин в армянском эпосе «Сасунские удалыцы»), а их монастыри формально принадлежали Армянской Апостольской Церкви». Она также отмечает, что с этим культом также может быть связан и особый, известный в Западной Армении крест Богоявления (*Aveteac' xach* — Providential Cross). Знаменательно, что, согласно ее полевым материалам, сам культ, фактически, дожил до наших дней [Simonyan 2021: 1002, 1017–1018]. В целом, данной проблеме посвящена обширная литература.

В числе вопросов, которыми справедливо задаются исследователи, например А. Б. Софян, является выяснение причин, в силу которых аланский правитель направил своего посланника к принявшим христианство единоплеменникам [Софян 2014: 147–150]. Повторю, что обычно в основе конфликта, легшего в основу Мученичества, видят вероотступничество, о чем повествует сам источник. Так читаем о том, что сообщают о них новому царю, взявшемуся за пересчет войска: «Из войск царских в Армении, на (горе) Сукав живут, мужи смелые и добродетельные, которые не пожелали поклоняться богам царей» [Источники 1985: 44]. Имеются ввиду, вероятно, боги царей Армении. Все же подобная трактовка значительно упрощает суть происходивших тогда событий. Одним из рисков, с которыми сопряжено изучение событий прошлого, является невольная модернизации при их интерпретации, что ведет к неизбежному искажению их сути и общей картины происходящего.

Несмотря на то, что трактовка событий, приведших к гибели Сукиаса, возглавлявшего групп воинов алан-отшельников, обычно носит исключительно религиозный характер, как расплата за вероотступничество, есть достаточно оснований видеть в этих давних событиях и этнокультурный

компонент, пока еще остающийся вне поля зрения исследователей. Только в этом случае становится ясна причина, по которой они выбрали такую особую форму послушания как «травоедение», а аланский царь направил к ним своего посланника, чтобы уговорить их вернуться домой.

Важным подспорьем может выступать обращение к их мифо-ритуальному аспекту, поскольку еще до недавнего времени именно мифология вступала в качестве основы общественной идеологии. Тем самым мы получаем возможность «увидеть» исторические события глазами самих их участников, понять не только сам строй их мысли, но и верно трактовать мотивы их поступков. Весьма вероятно, что коллизия между аланским царем и принявшими христианство аланскими отшельниками — его подданными, была обусловлена более сложными факторами, пока еще неизвестными исследователям. В частности, речь идет о мифо-ритуальном аспекте этих событий, без учета которых невозможно полное восстановление реальной исторической картины тех событий, включающее в себя саму суть конфликта и его природу, мотивы его участников, а также последствия, к которым он привел. Только в этом случае станут ясны те чудовищные на современный взгляд обстоятельства, которыми была обставлена расправа посланника аланского царя над своими единоплеменниками, обратившимися в христианскую веру.

Святой Гоар

Весомым аргументом для обоснования предлагаемого подхода могут считаться исторические сведения, касающиеся известного аланского святого, известного под именем Гоар, житие которого также содержит эпизод, когда установления христианской церкви на первый взгляд расходятся с традициями, свойственными аланам.

Согласно дошедшим до нашего времени сведениям, этот христианский святой родился на юге Галии (*homo aquitanicus*) и получил аланское имя — Гоар, которое интерпретируется как ‘добывающий скот’ [Алемань 2003: 165]. Исследователи, в частности, Б. Бахрах, разбирая его житие, обратили внимание на нарушение им правила жизни отшельника, возбранившими ему принимать пищу до обеда, а в некоторых случаях и до заката солнца. Он же, вопреки правилам, позволял себе достаточно обильный завтрак, который разделял с гостями. Упомянутое нарушение стало основанием для разбирательства его поведения в епископском суде, где ему было предъявлено обвинение в обжорстве. Эта его привычка — угощать своих гостей и предоставлять им ночлег, снискала ему необычайную

популярность. Отвечая на обвинения, он, как и подобает христианину, заметил с историко-богословских позиций, что обретение царства Божьего зависит не от материальных вещей, таких как пища, а от праведности и радости в Святом духе. Кроме того, он признал, что действительно позволяет себе подобные нарушения, но делает это в соответствии с традициями гостеприимства, которые предписывают хозяину разделить трапезу со своими гостями. Подводя итог, Б. Бахрах замечает, что в приведенном эпизоде находит проявление традиция алан, восходящая к свойственному кочевникам культу гостеприимства [Bachrach 1973: 94–95]. Как видим, в этом случае даже для признанного христианами святого «обычай предков» еще долго сохраняет свою силу, даже несмотря на истовую христианскую веру.

Хотя в случае с событиями, разворачивавшимися в Западной Европе, конец был все-таки благополучный, природа коллизии представляется не исключительно религиозной (читай «церковной»), а общекультурной. Дело в том, что этот культ гостеприимства сохранился и в современной осетинской традиции, наследующей аланской. В его основе без труда распознается мифо-ритуальное представление о том, что гость находится под Божьим покровительством (*Уазæг — Хуыцауы уазæг* / Гость — Божий гость), которое неотделимо от сюжетов, описывающих посещение людей небожителями в облике простых путников, нуждающихся в защите, крове и пищи. Тем самым, в конечном счете, решающая роль отводится не сугубо религиозному, а духовно-нравственному фактору, исходящему из представления о благочестии как таковом.

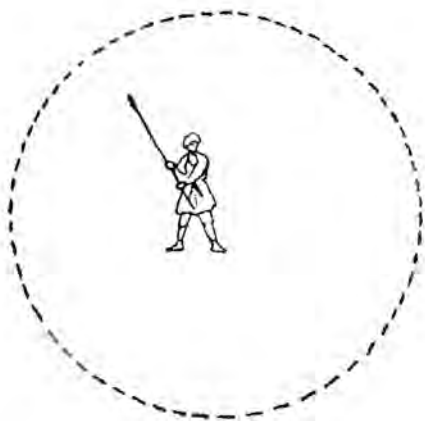
Между тем противоречие между христианством и этнокультурной традицией алан носит отнюдь не категорический характер. Дело в том, что в рамках описанных событий Св. Гоар мог бы апеллировать также и к хорошо известному библейскому сюжету «Гостеприимства Авраама», когда ветхозаветный патриарх стал хлебосольных хозяином для посетивших его под видом обычных путников трех ангелов. С этой точки зрения, решающую роль для выработки адекватной названной цели методологии должен играть комплексный подход, в рамках которого Мученичество не может быть отделено от традиции алан вообще, и свадьбы Сатеник, в частности, ставшей непосредственным поводом для появления аланских воинов на территории Армении. Только в рамках этого — аланского по своей природе — мифо-ритуального свадебного комплекса могут получить свое объяснение пять ключевых для понимания общего сюжета Мученичества мотивов.

Основные мотивы

Первый мотив связан с требованием аланского царя к монахам вернуться на родину, его посулы щедрого вознаграждения. Само повеление царя гласило: «Если найдете (их) большое вознаграждение (посулив) склоните вернуться сюда; а, если они не согласятся, предайте их мечу» [Источники 1985: 44]. С этим мотивом напрямую оказывается связано представление с их статусом и некими правовыми основаниями, дающими аланскому царю основания наставить на своем. Он может быть напрямую связан с известным в современной осетинской свадебной обрядности институтом дружек невесты — *чындзамбал*. Согласно правилам, существовавшим, хотя и в редуцированном виде, вплоть до недавнего времени невесту сопровождали юноши и девушки из числа ее близких родственников, которые оберегали ее в новой семье, пока не будут завершены все подобающие церемонии и она не сойдется на брачном ложе со своим мужем. Обычно, сам жених не принимал непосредственного участия в свадебной церемонии и не ночевал дома. Невеста же в течение первых трех дней и ночей по прибытии в дом жениха стояла в одном из углов главного помещения дома, под защитой своих дружек, дено и ночью охранявших ее, и только после всех ритуалов она могла уединиться со своим мужем, который украдкой пробирался в дом. С этой точки зрения, монахи отказались от исполнения своего долга, точнее не довели их до логического конца, поскольку должны были вернуться и отчитаться перед пославшей их стороной об успешном исполнении возложенных на них обязанностей. За это им, действительно, полагалась награда, о которой им и говорит посланник аланского царя, что вполне согласуется с хорошо известной обеим сторонам традицией.

Второй мотив связан с тем видом послушания, который выбрали монахи — «травоедением», обусловивший их внешний вид, за который их попрекает царский посланник. «Питаясь травами подобно диким овцам (они жили) под попечительством Бога... <...> ... И жили святые мученики на горе Сукавет, питаясь растениями и ведя ангелоподобную жизнь. И тела святых стали как замшелый камень, волосы висели клочьями как у коз; лишенные всего, (они) жили надеждой на Бога и благословляли его» [Источники 1985: 44]. Здесь представляется уместной ссылка на известный свадебный танец — Чепена / Кепена главная цель которого, как было замечено в литературе, заключалась в обеспечении чадородия новобрачным. Не так давно мною было показано, что смысл танца в том, чтобы впустить в пространство культуры дозированную и контролируемую энтропию, являющуюся источником материального процветания. По этой причине исполнение танца было приурочено к вечеру, то есть в то время, когда насту-

Круг.

Танец «Чепена / Кепена». Худ. М. С. Туганов

пала темнота, а сами мужчины, принимавшие в нем участие уподоблялись стаду, послушно исполнявшему команды своего пастуха. Об этом свидетельствует текст песни, сопровождавшей его исполнение. В тексте песни также содержатся упоминания неряшливого внешнего вида, вполне согласующегося с описанием в мученичестве, которое может трактоваться как проявление энтропии.

Примечательно, что фигура главного распорядителя этого танца может быть, вполне надежно, отождествлена с осетинским покровителем волков Тутыром, представляющим собой образ этнизированного христианского святого Федора Тирона. Моделируемая ситуация кажется парадоксальной, поскольку допускает участие патрона волков в управлении овечьим стадом. А его помощник, скорее всего, является этнизированным парным образом Флора и Лавра (*Фæлвæра*). Он кривой на один глаз, который ему выбил Тутыр, чтобы волки могли незамеченными подбираться к стаду (подробнее об этом см.: [Салбиев 2021]). Примечательно, что мы вновь наблюдаем отсутствие конфликта между традицией и христианством. Суть претензий к монахам в том, что они зашли слишком далеко и не остановились там, где это было необходимо.

Третий мотив может быть выведен из угроз обращенных в адрес монахов, не только словесных, но и действенных, в частности, использование факела, как направленного против них оружия. В тексте мученичества читаем: «Тиран изумился и рассердился смелости блаженных, приказал воинам связать их и истязать дубинками. Он повелел [также] принести факел и приблизить к их телу, говоря: «Огнем сожгу вас и исполню приказ моего

царя, если вы не пожелаете отправиться со мной и принять почести от царя» [Мученичества 1994: 264]. В этой связи следует указать на еще одну деталь, присущую традиционной осетинской свадьбе. Если говорить о свадебном обряде, то дружки невесты должны также исполнить и определенные обязанности. Все те дни, пока они находятся рядом с невестой, их нельзя было кормить. Ночью, когда все спят, они сами должны были добыть себе пропитание, на которое должны были идти соседские куры. Они должны были не только поймать их, но и собственноручно зарезать. Потом из добытых таким образом кур хозяева варили им суп. Осведомленные соседи были готовы дать им отпор. Обычно в роли защитниц кур выступали незамужние девушки, которые, в том случае, если им удавалось поймать кого-нибудь из дружек невесты, подвешивали их на дереве, а под ними разводили огонь. Дым от костра имитировал их символическое сожжение как наказание за нерадивость и неспособность исполнить свой долг.

В этом же ключе можно трактовать их отказ монахов от оружия и использование особого, связанного с ними креста — креста Благовещения. Крест тождественен мечу как Мировому дереву, однако он несет в себе лишь символическое взаимодействие жизни и смерти, и не может быть использован по своему прямому назначению в качестве оружия. Безоружные монахи не в силах исполнить требуемую от них роль защитников невесты. Кроме того, им можно подпалить шерсть, осуществив то действие, которое традиционно предшествует жертвоприношению. Огонь играет очистительную роль и предшествует всем ритуальным действиям.

Четвертый мотив ставит во главу угла тот вид расправы, чудовищной для сторонних свидетелей, но имевший, вероятно, некую подоплеку, ясную для посвященных. Комментаторы к мученичествам отмечают следующий примечательный факт: «Тела их остались непогребенными до времен Григория Просветителя, который через двести тридцать лет, если счет вести по данным мученичеств, похоронил их, а над могилами святых построил церковь» [Мученичества 1994: 250]. С пространственной точки зрения описываемые события, по отношению к Алании, разворачиваются на конце света, на границе между мирами. Так разбрасываются части чудовища Руймон, которое трактуется как мифологический образ дракона. Для царского посланника они предстают носителями хтонического начала, вышедшими за пределы мира культуры и погрузившимися в первоначальный природный хаос. Травоядение — как отказ от вареной пищи, прошедшей термальную обработку, в пользу сыроедения — проявление одичания, отказа от культурных достижений.

Жертвенный камень у святилища *Уацилла-дзуар*.
Селение Ханаз (Северная Осетия)

Пятый мотив обнаруживает себя в последней молитве, с которой монахи отходили к вечности, ее текст, хотя и лаконичный, все же весьма примечателен и нуждается в комментарии. «Услышь, Господи, молитву рабов твоих, уповающих на тебя, — пусть земля, на которую прольется кровь мученичества нашего, станет целебной для всех хворых и пусть [из этой] земли бьют источники для исцеления больных» [Мученичества 1994: 265].

Поскольку она произносится главным из них, то должна быть по своему посылу христианской. В его мольбе о том, чтобы в тех местах, где будет пролита кровь праведников забил целительный источник — как и случилось впоследствии — просматривается связь со свадьбой в Канне Галилейской, где Иисус превратил воду в вино. Здесь мы имеем тот же мотив превращения, однако с обратной направленностью. Связь же с упомянутой свадьбой ясно обнаруживает себя в праздничном комплексе Богоявления, последователями которого они стали. Дело в том, что в армянской апостольской церкви Богоявление не отделено от Крещения и Рождества, и тем самым связано со свадебной обрядностью. В традиции, как известно, чрезвычайно важна готовность жертвы добровольно расстаться с жизнью, поскольку только в этом случае она будет успешной.

На архаичность мотива добровольности жертвоприношения указывает и Я. В. Васильков, возводя его к древнейшим представлениям, идущим из охотничьей мифологии, согласно которым убиваемое животное добровольно отдает себя на заклятие, чтобы затем, при соблюдении охотниками определенных правил обрести новое рождение. Вместе с тем, он обращает внимание и на то, что ритуал жертвоприношения скотоводов, архаические космология и эсхатология которых сходны с представлениями охотников, часто содержит действия, направленные на то, чтобы получить «согласие» жертвы. Заслуживает упоминания и то, что в воинской архаике древнеиндийского эпоса всякая битва есть жертвоприношение и убийство героем противника уподобляется жертвоприношению [Васильков 2018: 76]. Значительно, что с этой точки зрения воины оказываются преемственно связаны с охотниками и скотоводами.

Таким образом, конфликт между аланским царем и его подданными, оставшимися в Армении и принявшими христианство, хотя и был религиозным по форме, но являлся общекультурным, а именно, мифо-ритуальным, по своему содержанию. Мученики пострадали от руки своего соплеменника не за принятие христианства, а за отказ, как ему представлялось, следовать традициям, входящим в аланский свадебный обрядовый комплекс.

Заключение

В рамках предложенной интерпретации находит обоснование позиция самих мучеников, которые сделали все от них зависящее, чтобы остаться в рамках свадебной обрядности, как с историко-богословской, так и с мифо-ритуальной точек зрения, но в отличие от упомянутого епископского суда, судившего другого аланского святого из Арморики по имени Гоар, не были услышаны своими соплеменниками. Их возвращение на родину все же состоялось, их изобразили на росписи в трапезной аланского Богоявленского женского монастыря Владикавказской епархии. В центре их предводитель с крестом Богоявления в правой руке. Сами эти события важны тем, что, с одной стороны, в их центре невольно оказывается царица, а с другой тем, что конфликт носил не религиозный, а нравственный характер, где исполнение долга было понято различным образом. Наконец, нельзя не отметить и того, что воины добровольно превратили себя в жертвенных агнцев, приняв обет «травоядения» и вручив себя божественному промыслу. В целом подтверждается значимость этнокультурной традиции как таковой, восходящей к прошлому, но сохраняющей свою непреходящую ценность.

ЛИТЕРАТУРА

Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. — 608 с.

Амбарцумян А. А. О некоторых эпико-мифологических мотивах армянского и караево-балкарского эпосов (на примере «Давида Сосунского» и «Нартиады»). Вестник Северо-восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия эпосоведение, № 3 (03), 2016, с. 34–43.

Васильков Я. В. Хищник и жертва: взгляд со стороны. Диалог 2017–2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис: Материалы объединенного семинара Института археологии РАН и Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2017 г.; Москва, 6–7 декабря 2018 г.). Сб. науч. статей. Отв. ред. Е. С. Леванова, Н. Ю. Смирнов. М.: ИА РАН, 2020. С. 71–79. Doi: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-332-9.71-79.

Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. — М.: Издательство «Наука», 1976. — 277 с.

Армянские источники об аланах (Документальные материалы и комментарии). Выпуск I. Составитель и автор комментариев Р.А. Габриэлян. Научно-информационный бюллетень: Общественные науки в Армянской ССР, Серия I, № 3 (45). Ереван, 1985.

Армянские жития и мученичества V–XVII вв.: Сборник. Пер. сост., предисловия и примеч. К. Тер-Давтян. Ответ. ред. С. Аревшатын. — Ер.: Наири, 1994. — 484 с.

Обрядовая основа осетинского традиционного танца *Чепена/Кепена* (проблема аутентичности). Вестник ВНИЦ. Том 21, № 4, 2021, С. 29–36. DOI 10.46698/VNC.2021.96.25.001.

Софян А. Б. Христианские мученики в Армении: три портрета, три судьбы. Религия, церковь, общество. Вып. III. ред. С. Прилуцкий. СПб.: «Скифия-принт», 2014. С. 147–155.

Bachrach, Bernard S. A., 1973, History of the Alans in the West. From their first appearance in the sources of classical antiquity through the early Middle Ages. Volume 7, Minnesota monographs in the humanities. Editor Leonard Unger. Minneapolis: University of Minnesota Press. — 161 p.

Simonyan, L. The cult and commemoration of St. Voskeans and St. Sukiaseans in the light of Caucasian parallels. History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus, V. 17. № 4. 2021. P 1002-1021. DOI: <https://doi.org/10.32653/CH174>.

REFERENCES

- Aleman' A. Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh. M., 2003. 608 p.
- Ambartsumian A. A. O nekotorykh epiko-mifologicheskikh motivakh armianskogo i karachaevo-balkarskogo eposov (na primere «Davida Sosunskogo» i «Nartiady»). Vestnik

Severo-vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova: Seriya eposovedenie, no 3 (03), 2016, p. 34-43.

Vasil'kov IA.V. KHishchnik i zhertva: vzgliad so storony. Dialog 2017-2018. Dikhotomiia iskusstva v arkheologii: lokus, obrazy, genezis: Materialy obedinnogo seminara Instituta arkheologii RAN i Instituta istorii material'noi kul'tury RAN (Sankt-Peterburg, 6-7 dekabria 2017 g.; Moskva, 6-7 dekabria 2018 g.). Sb. nauch. statei. Otv. red. E.S. Levanova, N. IU. Smirnov. Moskva: IA RAN, 2020. Ss. 71-79. Doi: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-332-9.71-79.

Diumezil' ZH. Osetinskii epos i mifologiya. Moskva: Izdatel'stvo «Nauka», 1976. 277 p.

Armianskie istochniki ob alanakh (Dokumental'nye materialy i kommentarii). Vypusk I. Sostavitel' i avtor kommentariiev R.A. Gabrielian. Nauchno-informatsionnyi biulleten': Obshchestvennye nauki v Armianskoi SSR, Seriya I, no 3 (45). Erevan, 1985.

Armianskie zhitiia i muchenichestva V-XVII vv.: Sbornik. Per. sost., predisloviia i primech. K. Ter-Davtian. Otv. red. S. Arevshatyan. Er.: Nairi, 1994. 484 p.

Obriadovaia osnova osetinskogo traditsionnogo tantsa CHepena/Kepena (problema autentichnosti). Vestnik VNTS. Tom 21, no 4, 2021, S. 29-36. DOI 10.46698/VNC.2021.96.25.001.

Sofian A. B. KHristianskie mucheniki v Armenii: tri portreta, tri sud'by. Religiya, tserkov', obshchestvo. Vyp. III. red. S. Prilutskii. Sankt-Peterburg : «Skifiia-print», 2014. S. 147-155.